

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора психологических наук, доцента Мироненко Ирины Анатольевны на диссертационную работу Богданчикова Сергея Александровича «Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.», представленную в диссертационный совет Д 002.016.XX (24.1.110.02) ФГБУН «Институт психологии РАН» на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Защита диссертации на соискание ученой степени предполагает оценку не только представляемой соискателем работы, но и, в первую очередь, самого диссертанта. Сергей Александрович Богданчиков как ученый, как исследователь, хорошо известен всем, кто занимается историей отечественной психологии. Его многочисленные труды (а в списке публикаций по теме диссертации 129 печатных работ) отличает фундаментальный характер, глубокая проработка предмета исследования. У меня нет сомнений в том, что Сергей Александрович внес существенный, очень значимый вклад в разработку проблем истории российской психологической науки и безусловно заслуживает искомой степени доктора психологических наук по специальности - уже по совокупности имеющихся печатных работ.

В соответствии с процедурой, необходимо, тем не менее, рассмотреть и представленную им диссертационную работу. Данная работа является фундаментальным исследованием, которое опирается на проработку огромного материала, его скрупулезный анализ и обобщение. Достоинством работы является и то, что она несет в себе определенный полемический заряд, и даже бросает вызов оппонентному кругу исследователей, что является еще одним свидетельством ее ценности, вклада, вносимого данным диссертационным исследованием в дискурс проблем истории отечественной психологии.

Сергеем Александровичем Богданчиковым в рассматриваемой диссертации предпринята попытка, выдвинув гипотезу о советской психологии как определенном научном направлении, в ходе целенаправленного историко-психологического исследования показать источники, условия и динамику процесса становления советской психологии как научного направления в период 1920-1930-х гг.

Актуальность темы исследования не вызывает сомнений. Не претендуя на оригинальность, напомним, что история – это самосознание науки. К истории мы обращаемся, чтобы обосновать наши интерпретации настоящего и планы будущего. Поэтому на современном сложном и переломном этапе развития российской психологической науки обращение к нашей истории высоко актуально. От того, как будет разработана эта тема, зависит будущее.

Не вызывает сомнений и новизна исследования. Сергей Александрович не только расширил и дополнил существующие представления о том, что происходило в период 1920-1930х гг. Он предложил последовательную концептуализацию событий этого сложнейшего и крайне важного для понимания сути того, что мы называем российской психологической наукой, периода, рассматривая огромный массив источников в оригинальном и новом ракурсе, предлагая «новое прочтение советской психологии и ее истории», с позиций разработанной им методологии, той системы методологических принципов и приемов, которую он называет концептуально-историографическим подходом. Этот подход составляет существенную теоретическую значимость, оригинальность и новизну работы.

Диссертация содержит 7 глав, Введение, Заключение и библиографический список. Семь глав диссертации как это указывается автором в «Заключении» (на с. 463-466), можно сгруппировать в виде *четырех исследовательских этапов*. Рассмотрим эти этапы.

Первый этап (две первые главы диссертации – «Проблемное поле современной отечественной историографии истории советской психологии» и «Конкретные источниковедческие и историографические проблемы изучения периода 1920-1930-х гг. истории советской психологии») – это этап формулировки и конкретизации исходной проблемы советской психологии, которая, как выясняется при ближайшем рассмотрении, состоит из нескольких частных проблем. В ходе анализа автор приходит к выводам, что в постсоветской и современной российской историографии психологии (1) отсутствуют большие и значимые работы (монографии, диссертации), в которых советская психология выступала бы как объект целенаправленного историко-психологического исследования; (2) не сформировано целостное представление об истории советской психологии, (3) деидеологизированная история советской психологии не написана, (4) понятие «советская психология» остается неопределенным и многозначным.

Исходя из этого, автором делается вывод о том, что для решения проблем, имеющихся в настоящее время в изучении истории советской психологии, необходимо выдвижение специального подхода, который сочетал бы в себе общее видение проблемы и конкретные пути, механизмы и средства ее решения. Именно с этой целью в четвертом параграфе второй главы выдвигается концептуально-историографический подход, предназначенный для выявления и анализа имеющихся историографических концепций советской психологии, а также для последующего выдвижения авторской историографической концепции советской психологии.

На основании полученных в первых двух главах результатов автор утверждает, что на этом начальном этапе, во-первых, *успешно решена первая задача исследования*, которая состояла в том, чтобы сначала «проанализировать проблемы и достижения, имеющиеся в настоящее время в изучении истории психологической науки в СССР (в целом и периода 1920-1930-х гг. – в частности)», а затем «сформулировать основные положения исследовательского подхода, нацеленного на решение выявленных проблем» (с. 9); во-вторых, *было доказано первое положение, вынесенное на защиту*, которое во «Введении» формулируется следующим образом: «В постсоветской и современной российской историографии психологии отсутствуют большие и значимые работы (монографии, диссертации), в которых советская психология выступала бы как объект целенаправленного историко-психологического исследования. Для решения проблем, имеющихся в настоящее время в изучении истории советской психологии, необходимо выдвижение концептуально-историографического подхода, нацеленного на выявление и анализ имеющихся историографических концепций советской психологии, а также на разработку и обоснование авторской историографической концепции советской психологии как научного направления» (с. 10 диссертации). Данное положение, на мой взгляд, носит отчасти дискуссионный характер, о чем будет еще сказано в завершающей части отзыва, - что ни в коей мере не снижает ценности анализа, проведенного автором, и предложенной им концептуализации, отраженной в выводах. Напротив, эта часть диссертационной работы может послужить и послужит основанием для новых прочтений нашего прошлого и дискуссий.

Две следующие главы – третья («Советская историография истории советской психологии») и четвертая («Постсоветская и современная российская историография

истории советской психологии») представляют собой **второй этап диссертационного исследования**. На этом этапе проводится историографический анализ советской (1920-е – 1980-е гг.) и постсоветской (1990-е гг. – по настоящее время) историографии истории советской психологии. Именно в этих главах автор демонстрирует, каким образом он обнаруживает в анализируемых текстах две историографические концепции – присущую советскому периоду концепцию советской психологии как «особой науки» и присущую постсоветскому периоду концепцию советской психологии как «репрессированной науки». В частности, в начале третьей главы говорится о том, что «методика исследования состояла в выявлении содержащейся в рассматриваемых работах определенной историографической концепции, то есть общего (принципиального, схематичного) представления о сущности, содержании, структуре, механизмах и тенденциях развития советской психологии в общем и целом и в период 1920-1930-х гг. – в особенности» (с. 140 диссертации).

Относительно первой концепции диссертант подчеркивает, что в ней под советской психологией понимается не просто новая, не просто еще одна, наряду с другими, психология (теория, школа, направление и т.п.), а принципиально новая, особая – марксистская, советская – наука о психике (психической деятельности), возникшая на основе марксизма (марксистской философии, марксистской государственной, большевистской идеологии, марксизма-ленинизма и т.п.) и противопоставляемая всей остальной психологии. В этой концепции утверждается, что советская психология возникла из марксизма и на основе марксизма, а вся остальная психология (прошлых времен и самая современная, зарубежная и русская дореволюционная) является в лучшем случае лишь строительным материалом или вообще игнорируется и отбрасывается, будучи «старой», «отжившей свое», «идеалистической», «реакционной», «буржуазной» и т.п.

Автор также называет (исходя прежде всего из «Основ общей психологии» С.Л. Рубинштейна 1940 года) методологические принципы, образующие собственно научную составляющую советской психологии: психика как предмет психологии плюс принципы отражения, активности, развития, психофизического и психофизиологического единства.

Для подтверждения тезиса о том, что «период 1920-1930-х гг. – это период становления советской психологии, формирования методологического единства советской психологии на основе марксизма, в полном соответствии с марксистской (марксистско-ленинской) идеологией», в диссертации указываются три публикации: статья Б.Г. Ананьева «О современном состоянии психологической науки в СССР» (1941), учебное пособие «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна (1940) и словарная статья «Психология» А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии в «Большой Советской Энциклопедии» (1940). С точки зрения диссертанта, именно в этих работах подводится итог всему развитию психологической науки в СССР в 1920-1930-е гг. и, «дополняя друг друга», данные работы дают целостное представление о положении дел в советской психологии в конце 1930-х – начале 1940-х гг., а также «содержат в себе основные положения историографической концепции развития советской психологии как особой науки» (с. 143-144).

В третьей главе на основе анализа работ 1920-х – начала 1990-х годов автором предлагается периодизация в изучении истории советской психологии в эти годы в виде четырех периодов. Первый (начальный) период характеризуется обзорными и «юбилейными» статьями, публиковавшимися с конца 1920-х гг. и до 1957 г. В течение второго периода (с 1957 по 1963 гг.) выходили сборники статей и коллективные монографии, посвященные истории советской психологии. В третий период (начиная с 1964 г. и до 1975 г. включительно) историографическая концепция советской

психологии как особой науки оформляется уже на уровне монографий и докторских диссертаций в работах Е.А. Будиловой (1972), А.В. Петровского (1964, 1965, 1967) и А.А. Смирнова (1975). Четвертый период (с 1976 г. и примерно до 1993 г.) историографическая концепция советской психологии как особой науки принципиально не меняется, лишь идет ее дальнейшая разработка и конкретизация.

В конце четвертой главы указываются признаки советской психологии как репрессированной науки (с. 189-207): отказ от традиционного советского подхода (т.е. от концепции советской психологии как особой науки); отказ от советской психологии как объекта исследования и как понятия (советская психология – это психология в СССР); марксизм как обязательная составляющая советской психологии (и в плане генезиса, и в плане функционирования); история советской психологии описывается как история репрессированной и идеологизированной науки.

Тем самым, в третьей и четвертой главах в итоге решается *вторая задача диссертационного исследования*, состоящая в том, чтобы «выявить содержащиеся в отечественной – советской, постсоветской и современной – историографии различные варианты и модификации историографической концепции советской психологии», а так же доказываемся *второе положение, вынесенное на защиту*, которое звучит следующим образом: «В советский период в отечественной историографии была сформирована историографическая концепция советской психологии как “особой науки”, возникшей в 1920-1930-е гг. на основе марксизма в соответствии с требованиями государственной идеологии и противопоставляемой всей остальной психологии. В постсоветский период история советской психологии стала описываться как история “репрессированной науки”. В рамках этой концепции “русская психология советского периода” характеризуется как репрессированная наука, методологически ориентированная на марксизм» (с. 10).

В последнем параграфе четвертой главы в ходе критического анализа обеих выявленных концепций автор приходит к выводу, что в выявленных историографических концепциях советской психологии как «особой» и «репрессированной» науки советская психология (1) априорно противопоставляется всей остальной психологии, (2) рассматривается преимущественно в рамках социальной (политической) истории и (3) определяется как наука, возникшая и функционирующая на основе марксизма.

В дальнейшем – и это уже третий, «конструктивный», этап исследования – формулируются основные положения авторской историографической концепции становления советской психологии как научного направления. Данная историографическая концепция по замыслу автора должна позволить с позиций интеллектуальной истории выйти на внутренние, собственно психологические источники возникновения и развития советской психологии, представить становление советской психологии как научного направления. Выдвигая свою концепцию, Сергей Александрович противопоставляет свой проект ранее им описанным историографическим концепциям советской психологии как «особой» и «репрессированной» науки, приписывая последним «односторонность и априоризм», от которых он полагает необходимым и возможным избавиться.

В качестве общих методологических принципов в диссертации используются присущие отечественной психологической науке и хорошо известные всем принципы детерминизма, системности и развития. Эти принципы С.А. Богданчиков дополняет специальными (непосредственно относящимися к области историко-психологических исследований) методологическими принципами: во-первых, принципами, указанными в

работах В.А. Кольцовой и Ю.Н. Олейника (1999, 2003) – единства логического и исторического; объективности; конструктивно-позитивного анализа истории психологии; периодизации и преемственности развития психологического знания; единства прошлого, настоящего и будущего; единства коллективного и индивидуального творчества в развитии психологического знания; во-вторых, принципом трехаспектности (по М.Г. Ярошевскому), дополненным четвертым, процессуально-динамическим аспектом (компонентом) (по В.А. Кольцовой, 2004); в-третьих, принципом историзма, выражающемся в рассмотрении истории психологии как становлении ее предмета (А.Н. Ждан, 1994, 2016, 2018).

В диссертации эти принципы конкретизируются и операционализируются в виде ряда частных (рабочих) методологических принципов, в соответствии с которыми история советской психологии понимается в диссертации как история *«большая», деидеологизированная, активная, интеллектуальная, объяснительная, единая, непрерывная, последовательная, системная, историографически обоснованная и концептуально оформленная*. Более подробно эти принципы раскрываются во второй главе диссертации, в параграфе «Концептуально-историографический подход: исходные принципы и констатации» (на с. 124-136). Рассматриваемые в совокупности, указанные частные (рабочие) принципы и представляют собой выдвигаемый в диссертации концептуально-историографический подход. В соответствии с данным подходом постулируется, что в основе работ по истории советской психологии всегда лежит определенная историографическая концепция, под которой понимается «исходная принципиальная схема, описывающая историю советской психологии в общем и целом, по существу» (с. 8). При реализации концептуально-историографического подхода в качестве конкретных исследовательских методов в диссертации используются такие методы, как историографический анализ, источниковедческий анализ, теоретический и методологический анализ научных текстов, биографический метод, историко-научная и теоретическая реконструкция значимых проблем, идей и событий в истории науки.

В соответствии с выдвинутой концепцией в период 1920-1930-х гг. структуру психологической науки в СССР образуют шесть научных направлений: субъективная психология, объективная психология, религиозно-философская психология, психоанализ психология установки (школа Узнадзе) и марксистская психология (советская психология в узком смысле), представленная в этот период пятью научными школами – М.Я. Басова, К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и Харьковской школой. В совокупности указанные направления представляют собой всю психологическую науку в СССР в 1920-1930-е гг., то есть советскую психологию в широком смысле.

На четвертом этапе исследования – в пятой, шестой и седьмой главах – была проведена историко-научная реконструкция основных этапов и тенденций становления советской психологии как научного направления, т.е. на уровне конкретной исторической эмпирии были выявлены и описаны источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в период 1920-1930-х гг. При этом принципиальный авторский тезис состоял в утверждении, что в качестве главных источников становления советской психологии в этот период выступили два ведущих направления в отечественной психологической науке того времени – субъективная психология и объективная психология. Марксизму здесь отводится роль условия (но не источника). В итоге было показано, что становление советской психологии как научного направления проходило в 1920-1930-е гг. под воздействием

марксизма (в условиях господства марксистской философии и идеологии) в два этапа, главными источниками при этом являлись субъективная психология и объективная психология. На первом этапе (в 1920-е гг.) ведущими были две тенденции – «от психологии субъективной к психологии марксистской» и «от психологии объективной к психологии марксистской». На втором этапе (в 1930-е гг.) ведущей была тенденция «от психологии марксистской к психологии советской».

Тем самым было предложено *решение четвертой задачи диссертационного исследования* – «на основе выдвинутой концепции осуществить историко-научную реконструкцию основных источников, условий, тенденций и этапов становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.» (с. 9) и сформулировано *четвертое положение, выдвинутое на защиту* (с. 10 диссертации).

У оппонента сложилось вполне определенное **мнение** о диссертационном труде С.А. Богданчикова.

Прежде всего, о плюсах работы. Работа Сергея Александровича Богданчикова является фундаментальным исследованием, которое опирается на проработку огромного материала. Имеет место сочетание детального, можно сказать, скрупулезного анализа исторических фактов с одной стороны и осмысление рассматриваемых проблем на обобщенном (теоретическом, методологическом, концептуальном) уровне – с другой стороны. В работе предложена новая концептуализация истории развития психологии в России, где в центре внимания автора «внутренние» процессы развития науки, научные дискуссии и противостояния, взаимодействие концепций, подходов, школ и направлений. Такой подход существенно отличен от традиционного для разработки проблем российской советской истории науки фокуса на социально-политических детерминантах. Работа С.А. Богданчикова существенно расширяет и дополняет то, что мы знаем о развитии психологии в России в 1920-1930гг, и вносит большой вклад в дело изучения отечественной истории. Отмечу также, что библиографический список, особенно в части первоисточников (работ советских психологов 1920-1930-х гг.), сам по себе представляет большую ценность в качестве справочного материала и базы данных по истории и историографии советской психологии;

Все это свидетельствует о глубине и широте научных взглядов автора, его высокой научной компетенции.

Вместе с тем в связи с некоторыми неясными и спорными моментами у оппонента имеются **три вопроса**:

1. Относительно первого положения, выносимого на защиту, где, в частности, говорится: «В постсоветской и современной российской историографии психологии отсутствуют большие и значимые работы (монографии, диссертации), в которых советская психология выступала бы как объект целенаправленного историко-психологического исследования» (Диссертация, с.121). Это утверждение автора в диссертации обосновывается лишь «списком», без конкретики. Поясните, пожалуйста, на конкретном примере. Высоко мною ценимая монография Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории (Колл. авт.: К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник, Б.Н. Тугайбаева) / Под ред. А.В. Брушлинского. – М.:Институт психологии РАН, 1997. – 576 с. Почему эту монографию автор отказывается считать «большой и значимой работой, в которых советская психология

выступала бы как объект целенаправленного историко-психологического исследования»?

2. В диссертации разрабатываются проблемы теории, методологии и, на мой взгляд, философии историографии. Однако, не проводится анализ соответствующего современного дискурса, где есть свои дискуссии и разногласия. Можно ли соотнести предлагаемую автором концептуально-историографическую концепцию с иными разработками? Есть ли подходы, близкие к предлагаемому автором концептуально-историографическому или, напротив, в чем-то ему противоречащие?
3. Почему, характеризуя в целом психологическую науку в СССР в период 1920-1930-х гг., автор практически ничего не говорит о судьбе советской педологии и советской психотехники в эти десятилетия, а также о других отраслях советской психологии – психологии социальной, дифференциальной, детской, военной, судебной, медицинской и т.д.?

Подчеркнем, что наши вопросы ни в коей мере не снижают в целом высокой оценки работы, а лишь еще раз подчеркивают сложность и актуальность затронутой диссертантом темы, оригинальность и продуктивность авторского подхода, а также большую теоретическую и практическую значимость полученных в ходе исследования результатов и выводов.

Общее заключение. В целом диссертационное исследование мы оцениваем как самостоятельный научно-исследовательский труд, содержащий решение крупной научной проблемы, имеющий важное значение для отечественной психологической науки и заключающийся в разработке нового направления в сфере историко-психологических исследований – концептуально-историографического подхода в изучении истории советской психологии как важной составной части истории российской психологии и всей (мировой) психологии двадцатого столетия.

Работа правильно оформлена, написана хорошим языком, материал излагается ясно и логично. Положения выдвинутого и апробированного автором концептуально-историографического подхода, а также основанной на этом подходе историографической концепции советской психологии как научного направления могут использоваться в качестве теоретико-методологической основы дальнейших исследований в области истории отечественной психологии и истории психологии в целом.

На основе изучения диссертации, автореферата и публикаций С.А. Богданчикова можно сделать вывод, что в работе получены научные результаты, соответствующие паспорту специальности 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии.

Полученные автором результаты являются достоверными, а выводы и защищаемые положения обоснованы на обширном, концептуально осмысленном и систематизированном историко-психологическом материале.

Таким образом, диссертационный труд, выполненный С.А. Богданчиковым, представляет собой законченное, самостоятельное исследование и свидетельствует о его высоком научном уровне. Текст диссертации и автореферата оформлен согласно требованиям ВАК РФ, автореферат представляет принципиальные идеи и выводы диссертации. Публикации автора отражают основные результаты диссертационного исследования.

Актуальность, новизна, теоретическая и научно-практическая значимость диссертационной работы С.А. Богданчикова «Источники, условия и динамика

становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.», объем выполненных исследований дают возможность заключить, что рецензируемая диссертация полностью соответствует требованиям, которые предъявляются к диссертациям на соискание ученой степени доктора психологических наук, изложенных в пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции), а ее автор, Сергей Александрович Богданчиков, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора психологических наук по специальности 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии.

Официальный оппонент:

Профессор кафедры общей психологии

Санкт-Петербургского государственного университета,

доктор психологических наук, доцент

И.А. Мироненко

08.09.2025 г.

Сведения о лице, подготовившем отзыв на диссертацию:

Фамилия, имя, отчество: Мироненко Ирина Анатольевна

Ученая степень: доктор психологических наук (19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии)

Ученое звание: доцент

Место работы: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра общей психологии

Занимаемая должность: профессор кафедры общей психологии

Адрес места работы: 199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6

Телефон: +7(812)328-94-13

Электронная почта: i.mironenko@spbu.ru

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ

И.А. Мироненко

ЗАВЕРЯЮ

